

Л. Л. Зайцева

МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ КРИТЕРИИ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Любая дифференциация уголовно-процессуальной формы, в том числе разграничение подследственности и подсудности между различными юрисдикционными органами, во многом определяется материальным правом. К такому выводу уже давно пришло большинство авторов¹, в связи с тем, что различные категории преступлений и соответственно дела о них существенно отличаются друг от друга.

«Рассматривая в современных кодексах область деяний, запрещенных под страхом наказания, – писал еще в начале прошлого века профессор Н. С. Таганцев, – мы найдем между ними крайнее разнообразие, как по размеру определяемого за них наказания, так и по их юридической структуре, по тому отношению, в котором они стоят к охраняемым интересам, по самой природе этих интересов, даже по тем условиям, при наличности коих к этим посягательствам применяется наказание»².

В связи с таким разнообразием в свойствах отдельных категорий преступлений в уголовном праве признана необходимость классифицировать их³.

В теории и истории уголовного права существуют различные точки зрения по поводу системы и оснований классификации преступлений. Так, Статут Великого княжества Литовского 1588 г. делил все преступления на «речи кровавые, где о горле идет» и на «речи меньшие, не кровавые, где о горле не идет»⁴. Уголовное уложение Российской империи 1903 г. подразделяло преступления на три основные группы: тяжкие преступления, за которые предусматривалась смертная казнь, каторга или ссылка на поселение; преступления, за которые в качестве меры наказания предусматривалось заключение в исправительном доме, крепости или тюрьме; проступки, за которые высшим наказанием являлся арест или денежный штраф⁵. Таким образом, принятая в уголовном законодательстве система классификации преступлений определялась «юридическим свойством и наказуемостью по закону деяния»⁶.

В настоящее время в мире существуют двух-, трех- и даже четырехчленные классификации преступлений. Как правило, их основой

выступает чисто формальный признак – установленный законом размер наказания. По Уголовному кодексу Германии все преступные деяния подразделяются на две группы: преступления, за которые грозит наказание в виде лишения свободы на один год и больше, и проступки, за которые грозит лишение свободы на меньший срок или штраф⁷. В Нидерландах также существует двухчленная классификация уголовных правонарушений⁸.

В Уголовном кодексе Франции 1992 г. существует трехчленное деление преступных деяний: тяжкие преступления, уголовные деликты и проступки. К тяжким преступлениям отнесены деяния, которые наказываются лишением свободы на срок не менее 10 лет. К числу проступков относятся деяния, которые наказываются арестом до 2 месяцев или штрафом на сумму до 10 000 франков⁹.

В некоторых странах имеются более сложные системы классификации преступлений. Так, законодательство американских штатов подразделяет преступные деяния на две категории: фелонии и мисдиминоры. К фелониям относятся более тяжкие деяния, которые наказываются лишением свободы на срок свыше одного года, а к мисдиминорам – менее тяжкие преступления. В свою очередь фелонии и мисдиминоры делятся на несколько классов¹⁰.

Классификации преступлений придается не только уголовно-правовое, но и важное процессуальное значение. Оно заключается в том, что классификация преступлений тесно связана с разграничением подведомственности уголовных дел, а порой и с различиями в порядке их расследования и судебного разбирательства. Причем в законодательстве ряда государств влияние существующей классификации на разграничение подведомственности и дифференциацию порядка производства проводится довольно последовательно и характеризуется прямой зависимостью. Так, например, во Франции и Нидерландах каждая группа уголовных правонарушений подсудна определенному суду.

В Нидерландах компетенция различных судов обусловлена разделением преступлений на две группы. Дела об уголовных проступках рассматриваются по первой инстанции субокружными (кантональными) судами, каждый из которых обслуживает 3–4 субокруга (кантона), а дела о преступлениях – окружными судами¹¹. Во Франции в исключительную компетенцию суда присяжных входит рассмотрение уголовных дел о тяжких преступлениях, исправительные трибуналы рассматривают по первой инстанции дела об уголовных деликтах,

полицейские трибуналы – о наименее значительных уголовных деяниях – проступках¹².

В других странах такая зависимость выражена с меньшей последовательностью и не является определяющим критерием подведомственности. К этой группе относятся Германия, США и многие другие государства. Такое же положение было характерно для советского уголовно-процессуального законодательства и сохранилось в ныне действующих кодексах России, Беларуси, Украины, Казахстана.

Если уголовное законодательство первых лет Советской власти не предусматривало никакой классификации преступлений, то ст. 5 УК БССР 1928 г. в основу разделения преступлений на группы положила политический критерий. Все преступления делились на две категории: направленные против основ советского строя и все остальные. За первые устанавливался низший предел наказания, ниже которого суд не мог назначить меру социальной защиты, за вторые – только высший его размер¹³.

Уголовный кодекс БССР 1960 г. классифицировал преступления на четыре группы: тяжкие (ст. 7¹ УК), за которые предусматривается применение смертной казни или лишение свободы на срок до 15 лет; менее тяжкие; не представляющие большой общественной опасности; малозначительные. Однако в данной классификации отсутствовала тесная связь с возможной мерой наказания, что являлось причиной разнобоя в понимании преступлений небольшой общественной опасности и малозначительных¹⁴.

Поэтому в литературе по уголовному праву того времени указывалось и на трех-, и на пятичленную классификацию уголовных правонарушений¹⁵. Вероятно, в связи с этим и подсудность уголовных дел не зависела от такой несовершенной классификации преступлений.

Действующий Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. подразделяет преступления на категории в зависимости от вида и размера наказания и формы вины: на преступления, не представляющие большой общественной опасности; менее тяжкие; тяжкие и особо тяжкие (ст. 12 УК). Существующая стройная и всеобъемлющая классификация преступлений по степени общественной опасности, несомненно, учитывается законодателем при определении предметной компетенции различных юрисдикционных органов. Но прямой зависимости между ними так же, как и в прошлом, не наблюдается. То есть перечисленные четыре категории преступлений не распределяются между четырьмя органами предварительного следствия и тремя

звеньями судебной системы, хотя их количественное соотношение вполне позволяет это сделать. Лишь при определении подследственности в ч. 13 ст. 182 УПК Республики Беларусь упоминаются категории преступлений, установленные в УК: не представляющие большой общественной опасности и менее тяжкие с целью разграничения полномочий между органами дознания и следствия.

В России сложилась аналогичная ситуация, когда классификация преступлений не влияет на их подследственность и подсудность. Указание на тяжкие и особо тяжкие преступления содержится лишь при определении подсудности коллегиального состава суда (п. 3 ч. 2 ст. 30 УПК РФ).

Совершенно прав Ю. К. Якимович, утверждая, что дифференциация уголовного судопроизводства должна основываться на дифференциации уголовного законодательства¹⁶. Это в полной мере относится, по нашему мнению, и к разграничению подведомственности между различными юрисдикционными органами.

При этом не имеет принципиального значения, из скольких групп будет состоять классификация преступлений в зависимости от степени их общественной опасности. Главное, чтобы уголовный закон содержал четкое понятие каждой из групп и перечень преступлений, относящихся к каждой из них. Не имеет также принципиального значения, какое наименование получит та или иная группа (например, «малозначительные преступления» или «уголовные проступки»), при том условии, что эти деяния и впредь будут считаться уголовными, а не иными правонарушениями¹⁷.

Именно такая дифференциация уголовного законодательства и должна являться основой для дифференциации уголовного судопроизводства, в том числе и подведомственности уголовных дел. При наличии в уголовном законе перечней, различающихся по степени общественной опасности преступлений, необходимо будет руководствоваться ими при решении вопроса о подведомственности конкретного уголовного дела. Тогда будет возникать меньше трудностей в правоприменительной деятельности: достаточно будет определить, к какой группе относится преступление, чтобы установить его подведомственность соответствующему юрисдикционному органу.

Пока такое положение еще не достигнуто, в основу дифференциации процессуальной формы положена не классификация преступлений, установленная в УК, а иные материально-правовые критерии, не вполне идентично формулируемые различными авторами. Так, одни

считают таким критерием степень общественной опасности деяния¹⁸, другие – вид и меру наказания, которые могут быть применены к обвиняемому¹⁹, третьи – комбинацию указанных свойств²⁰. Наиболее верной представляется позиция М. К. Свиридова, считающего главным основанием дифференциации уголовно-процессуальной формы вид и максимальный размер наказания, предусмотренного законодателем за совершение данного преступления²¹. Именно это основание является показателем степени общественной опасности совершенного преступления и лежит в основе классификации уголовных правонарушений в законодательстве многих стран мира.

Следует отметить, что противниками дифференциации выдвигались возражения против данного основания разграничения уголовно-процессуальной формы. Указывалось, в частности, что это свойство не поддается формализации, что наказание, предусмотренное соответствующей статьей УК, не всегда характеризует степень общественной опасности конкретного преступления, что степень сложности дела не всегда соответствует общественной опасности преступления. Из чего делается вывод, что данный критерий не оправдан в теоретическом отношении и оставляет свободу для его произвольного применения государственными органами и должностными лицами, ведущими уголовный процесс²².

Убедительная критика таких взглядов дана Ю. К. Якимовичем. Он указывает, что данное основание, напротив, поддается четкому определению путем установления максимальной границы наказания. Ссылка же на то, что размер наказания, указанный в законе, может не соответствовать общественной опасности данного преступления, представляется необоснованной. Наоборот, при установлении границ наказания законодатель исходит из оценки общественной опасности данного деяния²³. Так, за преступления, общественная опасность которых значительна, предусмотрены наказания в виде лишения свободы на длительные сроки, пожизненное заключение или даже смертная казнь. Преступления, не представляющие большой общественной опасности, наказываются лишением свободы на непродолжительные сроки, исправительными работами, штрафом либо другими более мягкими наказаниями. Для учета колебаний в уровне общественной опасности конкретного преступления существует «вилка» наказаний, предусматривающая как низший, так и высший предел общественной опасности для преступлений данного вида. Если и могут встречаться случаи, когда необходим выход за пределы такой «вилки», то лишь в

сторону признания более низкого уровня общественной опасности конкретного преступления. При этом суд может назначить наказание ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК, либо назначить более мягкий вид наказания, чем предусмотрено этой статьей (ст. 70 УК).

Таким образом, основным материально-правовым критерием дифференциации уголовно-процессуальной формы, в том числе разграничения подведомственности уголовных дел между различными юрисдикционными органами, является вид и максимальный размер наказания, предусмотренный за совершение данного преступления уголовным законом. Этот критерий считался основным признаком предметной подсудности еще российскими процессуалистами XIX в. И. Я. Фойницким и С. И. Викторским, которые оценивали его как «наиболее удобораспознаваемый, легко уловимый для практики и весьма удобно укладывающийся в законодательную систему»²⁴.

При этом И. Я. Фойницкий особо указывал на необходимость определять тяжесть наказания как основание подсудности по «высшему наказанию, положенному в статье уголовного закона, которой соответствует деяние обвиняемого». Наказание, которое может быть реально, фактически назначено за данное преступление с учетом личности обвиняемого и других смягчающих ответственность обстоятельств, по его мнению, ни в коем случае не должно являться основанием подсудности. Ибо при таком гипотетическом определении подсудности преобладающее значение придается субъективному усмотрению обвинительной власти, что подрывает право обвиняемого на суд, даваемый ему законом, и нарушает равноправие сторон в процессе»²⁵.

Таким образом, для установления подсудности принимается во внимание не то наказание, которое может фактически понести обвиняемый, когда определяются во всех подробностях обстоятельства дела, влияющие на назначение наказания, а то, которое угрожает всякому, совершившему определенного рода преступление.

В дореволюционном отечественном законодательстве тяжесть меры наказания являлась основным критерием подсудности уголовных дел мировым судьям. Последние рассматривали проступки, за которые определялись: 1) выговоры, замечания и внушения; 2) денежные взыскания не свыше трехсот рублей; 3) арест не свыше трех месяцев; 4) заключение в тюрьму не свыше года (ст. 33 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.). Уголовные дела о преступлениях, за которые в законе были положены более тяжкие наказания либо соединенные с

лишением или ограничением прав состояния, рассматривались окружными судами (ст. 200, 201 Устава уголовного судопроизводства)²⁶.

В первые годы Советской власти, когда еще не было кодифицировано уголовно-процессуальное законодательство, при определении подсудности уголовных дел по предметному признаку руководствовались также возможной мерой наказания. Об этом свидетельствует ст. 2 Декрета СНК № 1 «О суде» от 24 ноября 1917 г.²⁷ Причем подсудность уголовного дела определялась его подсудностью. В дальнейшем законодатель отказался от определения подсудности в зависимости от тяжести наказания и вернулся к нему лишь в конце XX в.

Сегодня в Российской Федерации с применением данного критерия устанавливается подсудность уголовных дел только мировым судьям (ч. 1 ст. 31 УПК РФ). В Беларуси, Украине и Казахстане тяжесть меры наказания определяет предметные полномочия второго звена судебной системы – областных и приравненных к ним судов (ч. 1 ст. 268 УПК Республики Беларусь; п. 2 ч. 1 ст. 34 УПК Украины; ч. 2 ст. 291 УПК Республики Казахстан). В этих государствах разграничение подсудности между единоличным судьей и коллегиальным составом суда при рассмотрении уголовных дел по первой инстанции также осуществляется с помощью максимально возможного наказания за совершенное преступление, предусмотренного законом (ч. 2 ст. 267 УПК Республики Беларусь; ч. 2 и 3 ст. 17 УПК Украины; ч. 2 ст. 58 УПК Республики Казахстан).

При применении указанного критерия на практике не исключены и определенные коллизии. Так, например, уголовное дело о совершении преступления, за которое может быть назначена смертная казнь, подсудно второму звену судебной системы. В то же время заранее известно, что несовершеннолетнему за совершение такого преступления смертная казнь не может быть назначена согласно п. 1 ч. 2 ст. 59 УК Республики Беларусь. Такой же запрет существует и по отношению к женщинам, а также мужчинам, достигшим ко дню постановления приговора 65 лет (п. 2 и 3 ч. 2 ст. 59 УК). Однако это не является основанием изменения подсудности дела и его передачи для рассмотрения в нижестоящий суд, поскольку в данном случае, как уже указывалось, необходимо руководствоваться максимально возможным наказанием, предусмотренным уголовным законом за совершение такого преступления и отражающим степень его общественной опасности.

Тем не менее не следует забывать, что характер и степень общественной опасности того или иного преступления определяется, прежде

всего, его объектом, т. е. теми общественными отношениями, на которые посягает данное деяние. Именно родовый объект преступления является критерием для построения системы Особенной части УК и позволяет определить принадлежность конкретного преступления к определенной главе Уголовного кодекса.

Социальная значимость и ценность той или другой группы общественных отношений, образующих родовый объект преступления, позволяет определить тот орган, который должен осуществлять производство по данному уголовному делу. Чем важнее защищаемые уголовным законом общественные отношения, тем выше общественная опасность данного преступления. Следовательно, должен быть выше и уровень органа, который будет осуществлять его расследование и судебное разбирательство.

Однако такой важный материально-правовой критерий, как родовый объект преступления, крайне редко используется в качестве самостоятельного основания для разграничения подведомственности уголовных дел. Как правило, этот критерий применяется в совокупности с другими материально-правовыми признаками уголовного дела. И лишь в УПК Беларуси 1999 г. родовый объект преступления частично определяет подсудность областных и приравненных к ним судов, указывая, что последние рассматривают по первой инстанции уголовные дела о преступлениях против мира и безопасности человечества и преступления против государства (п. 1 ст. 268 УПК). А в Украине апелляционные суды областей рассматривают дела о преступлениях против основ национальной безопасности (п. 1 ч. 1 ст. 34 УПК Украины).

В то же время самым распространенным материально-правовым критерием подследственности и подсудности уголовных дел на протяжении длительного времени остается квалификация преступления, т. е. уголовно-правовая оценка совершенного деяния. Она выражается в полном соответствии признаков совершенного деяния признакам конкретного состава преступления, предусмотренного уголовным законом.

Не случайно В. М. Хомич указывает, что конфликтные охранительные уголовно-правовые отношения между государством и физическим лицом возникают в связи с совершением последним деяния, подпадающего под признаки запрещенного уголовно-правовой нормой, его *уголовно-правовой оценкой* в качестве преступления и уголовной ответственностью лица в случае признания данного деяния преступлением²⁸.

В квалификации преступления находит свое выражение степень общественной опасности деяния, юридическая и социальная оценка этого деяния как преступления и лица, виновного в его совершении. Квалификация преступления определяется путем точного указания на соответствующие части (пункты) статей как Общей, так и Особенной части УК, в которых так или иначе сформулированы признаки установленного состава преступления.

Вывод о том, что данное деяние содержит признаки состава преступления, предусмотренного соответствующей уголовно-правовой нормой, является необходимым требованием для принятия важнейших уголовно-процессуальных решений: постановления о возбуждении уголовного дела (ч. 2 ст. 175 УПК), постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого (п. 3 ч. 2 ст. 241 УПК), постановления о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд (п. 4 ч. 2 ст. 260 УПК) и обвинительного приговора (п. 3 ч. 1 ст. 361 УПК).

Квалификация преступления традиционно является основным материально-правовым критерием разграничения предметных полномочий между органами дознания и предварительного следствия, а также следственными аппаратами различных ведомств.

Так, в ст. 182 УПК Республики Беларусь 1999 г., как и в ст. 123 УПК БССР 1960 г., содержится подробный перечень преступлений с указанием части и статьи УК, дела о которых подследственны тому или иному органу предварительного следствия. В ней также перечисляются преступления, дела о которых вправе рассматривать органы дознания в полном объеме (ч. 12 ст. 182 УПК). Аналогичный критерий определения подследственности сохранен и в УПК России, Украины и Казахстана (ст. 151 УПК РФ; ст. 112 УПК Украины; ст. 192 УПК Республики Казахстан).

Кроме того, в отличие от белорусского законодательства, в УПК России с помощью квалификации преступлений разграничивается также подведомственность уголовных дел между различными органами дознания (ч. 3 ст. 151 УПК РФ). К сожалению, этот универсальный материально-правовой критерий не используется в ст. 37 УПК Беларуси, перечисляющей существующие органы дознания, для определения их предметной компетенции.

Белорусский законодатель устанавливает подведомственность этих органов в общем виде, указывая лишь на отдельные категории дел без ссылки на статьи уголовного кодекса, т. е. их квалификацию. Например, органы государственного пожарного надзора осуществля-

ют дознание по уголовным делам о пожарах и нарушениях противопожарных правил (п. 8 ч. 1 ст. 37 УПК); начальники учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, следственных изоляторов – по уголовным делам о преступлениях против установленного порядка несения службы (п. 4 ч. 1 ст. 37 УПК). Представляется, что подведомственность уголовных дел различным органам дознания должна определяться в УПК, прежде всего, на основании квалификации преступления путем указания на конкретные статьи УК и их части. А другие критерии подведомственности (субъект преступления, место его совершения) следует применять лишь в совокупности с основным юридическим признаком уголовного дела – квалификацией преступления.

Подсудность уголовных дел областному и Минскому городскому судам ранее также определялась на основании лишь квалификации преступления, путем перечисления соответствующих статей УК (ст. 32 УПК БССР 1960 г.). Этот же критерий был положен в основу определения предметных полномочий единоличного судьи по рассмотрению уголовных дел (ч. 2 ст. 31 УПК БССР 1960 г.). Причем в последнем случае перечень статей УК, предусматривающих ответственность за преступления, дела о которых подсудны судье единолично, занимал полторы страницы. Это в определенной степени затрудняло поиск нужной статьи в таком обширном списке. Вероятно поэтому действующее уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь для определения подсудности этот критерий не использует, применяя для этой цели другой материально-правовой критерий – вид и максимальный размер наказания, предусмотренного законом за совершение данного преступления.

В УПК Республики Казахстан эти два материально-правовых критерия действуют одновременно при определении подсудности второго звена судебной системы. Так, в ч. 2 ст. 291 УПК указывается на максимальное наказание и перечисляются статьи УК, которые такое наказание предусматривают. Думается, что такое дублирование вряд ли необходимо и оправдано.

В России квалификация преступления используется для исключения из подсудности мировых судей определенных категорий уголовных дел (ч. 1 ст. 31 УПК РФ), а также для частичного определения подсудности областных и краевых судов (п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ). Последнее имеет место также и в УПК Украины (п. 1 ч. 1 ст. 34 УПК Украины).

В тех случаях, когда квалификация совершенного преступления на всем протяжении производства по делу остается неизменной, определение подведомственности уголовного дела не представляет трудностей. Обычно возникают затруднения тогда, когда в процессе предварительного расследования и судебного разбирательства первоначальная квалификация преступления существенно изменяется, и это влечет за собой изменение подведомственности данного уголовного дела.

В отечественном уголовном процессе изменение квалификации преступления возможно на протяжении всего периода расследования и разрешения уголовного дела. Первоначальная квалификация дается при возбуждении уголовного дела (ч. 2 ст. 175 УПК), затем эта квалификация уточняется в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого (п. 3 ч. 1 ст. 241 УПК) и указывается в постановлении о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд (п. 4 ч. 2 ст. 260 УПК). Причем квалификация преступления в двух последних из названных уголовно-процессуальных актов должна быть одинаковой.

Прокурор может изменить квалификацию преступления в постановлении о передаче дела в суд, но лишь с применением закона о менее тяжком преступлении (п. 1 ст. 264 УПК). В противном случае прокурор должен возвратить уголовное дело следователю или органу дознания для предъявления нового более тяжкого обвинения (п. 3 ст. 264 УПК).

Квалификация преступления, указанная в постановлении о направлении дела в суд, может быть изменена прокурором лишь в стадии судебного разбирательства и судом при постановлении приговора. Так, если в ходе судебного следствия возникает необходимость в изменении обвинения на более тяжкое, то суд по ходатайству государственного обвинителя объявляет перерыв до десяти суток для составления им нового постановления о привлечении в качестве обвиняемого, которое затем объявляется последнему (ч. 2 ст. 301 УПК). Как указано в постановлении № 9 Пленума Верховного Суда от 28 сентября 2001 г. «О приговоре суда», более тяжким признается обвинение, квалифицированное по закону, предусматривающему более строгое наказание или иным образом ухудшающее положение обвиняемого²⁹.

Государственный обвинитель вправе также квалифицировать действия обвиняемого по статье УК, предусматривающей ответственность за менее тяжкое преступление, чем то, в совершении которого лицу было предъявлено обвинение. В этом случае составление нового постановления о привлечении в качестве обвиняемого не требуется, а

позиция государственного обвинителя заносится в протокол судебного заседания (ч. 4 ст. 301 УПК).

Как известно, судебное разбирательство уголовного дела проводится лишь по тому обвинению, которое предъявлено обвиняемому либо в стадии предварительного расследования, либо прокурором в судебном следствии (ч. 1 ст. 301 УПК). Однако при постановлении приговора суд вправе изменить квалификацию преступления независимо от позиции государственного обвинителя, если это не ухудшает положение обвиняемого и не требует изменения сущности обвинения (ч. 5 ст. 301 УПК).

Возникает вопрос: исходя из какой квалификации, если она неоднократно изменялась, следует определять подведомственность уголовного дела по этому важному материально-правовому критерию?

Общий ответ на этот вопрос был дан еще Л. Н. Гусевым: подведомственность уголовного дела определяется последней квалификацией совершенного преступления³⁰. Орган, который изменяет или уточняет квалификацию преступления, обязан и правомочен одновременно определить и подведомственность данного дела. Так, если следователь или орган дознания изменил квалификацию преступления в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, что повлекло изменение подведомственности уголовного дела, то только прокурор вправе передать его из одного органа уголовного преследования в другой (ч. 9 ст. 182 УПК). Если решение об изменении квалификации преступления, данной следователем или органом дознания, принято прокурором, то последний обязан при направлении дела в суд определить и его подсудность (ст. 266 УПК).

В соответствии с ранее действовавшим уголовно-процессуальным законодательством изменить квалификацию преступления можно было и в стадии предания суду, которая сегодня в УПК называется стадией назначения и подготовки судебного разбирательства. Такое же решение могло быть принято судом в распорядительном заседании путем применения уголовного закона о менее тяжком преступлении (ч. 1 ст. 229 УПК БССР 1960 г.). Если требовалось изменить квалификацию на статью, предусматривающую более строгую меру наказания, дело подлежало направлению на доследование для предъявления другого более тяжкого обвинения (п. 3 ч. 1 ст. 234 УПК БССР). После этого такое дело подлежало направлению уже в тот суд, которому оно было подсудно, исходя из новой квалификации преступления.

Таким образом, на практике нередко складывалось положение, когда суд, принявший дело к своему производству на основании квалификации, данной органами уголовного преследования, затем приходил к выводу о необходимости ее изменения на такую статью уголовного закона, по которой дело уже будет подсудно другому суду.

В связи с этим в юридической литературе 60-х гг. прошлого века активно обсуждался вопрос: вправе ли вышестоящий суд в стадии предания суду переквалифицировать преступление и после этого передать уголовное дело на рассмотрение нижестоящего суда?

И. М. Гальперин, В. З. Лукашевич и некоторые другие процессуалисты считали, что если вышестоящий суд принял решение о новой квалификации, то тем самым решил вопрос о предании суду. Поэтому этот суд и должен рассматривать данное дело по существу в судебном заседании, не передавая его по подсудности в нижестоящий суд³¹.

С. А. Альперт, М. И. Бажанов, Л. Н. Гусев и другие авторы придерживались иной точки зрения. По их мнению, вышестоящий суд, переквалифицируя преступление в распорядительном заседании, не обязан решать вопрос о предании суду и поэтому вправе после этого передать дело в нижестоящий суд³².

Разделяя эту точку зрения, следует отметить, что вопрос о предании суду должен был рассматриваться и разрешаться лишь тем судом, которому оно подсудно для рассмотрения по существу. Как правильно указывали С. А. Альперт и М. И. Бажанов, если обязать вышестоящие суды рассматривать такие дела по существу – значит неоправданно расширять их компетенцию как судов первой инстанции, а самое главное – без достаточных к тому оснований ограничивать подсудность дел основному звену судебной системы – районному суду³³.

С целью разрешения указанной коллизии Л. Н. Гусевым было высказано вполне обоснованное предложение о том, чтобы вопрос о подсудности уголовного дела данному суду рассматривался судьей или распорядительным заседанием суда после того, как будет определена статья Уголовного кодекса, по которой следует квалифицировать преступление, вменяемое в вину обвиняемому³⁴.

Новый УПК Республики Беларусь 1999 г. не предусматривает изменение квалификации преступления в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства. Поэтому, на первый взгляд, может показаться, что рассмотренные проблемы сегодня не актуальны. Однако действующее законодательство ряда постсоветских республик свидетельствует об обратном.

В отличие от белорусского УПК в России и Казахстане изменение квалификации преступления возможно только по ходатайству прокурора в ходе предварительного слушания (ч. 5 ст. 236 РФ, ч. 5 ст. 301 УПК Республики Казахстан). Причем такое изменение допускается лишь на более мягкое обвинение. Если изменение прокурором обвинения влечет изменение подсудности дела, то в России суд направляет его по подсудности, а в Казахстане возвращает дело прокурору для пересоставления обвинительного заключения, протокола обвинения и направления по подсудности.

Уголовно-процессуальное законодательство Украины в основном сохранило ранее действующий порядок изменения квалификации преступления при предварительном рассмотрении дела судьей. Так, при наличии оснований для квалификации действий обвиняемого по статье УК, предусматривающей ответственность за более тяжкое преступление, судья может вернуть дело для дополнительного расследования (ч. 2 ст. 246 УПК Украины). Однако такое решение возможно лишь по ходатайству прокурора, потерпевшего или его представителя, а не по инициативе суда, как было ранее.

Полагаем, что белорусскому законодателю также следует допустить возможность изменения квалификации преступления по ходатайству прокурора в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства, для чего предусмотреть проведение предварительного слушания. Такое предложение объясняется тем, что согласно действующему УПК Беларуси изменение квалификации преступления, как уже отмечалось, разрешается только в судебном разбирательстве. Следовательно, решение вопроса о новой подсудности уголовного дела целиком переносится в эту центральную, основную стадию процесса, что вряд или является обоснованным.

Так, изменение прокурором в судебном заседании квалификации преступления на менее тяжкое или принятие такого же решения судом в совещательной комнате при постановлении приговора может повлиять на подсудность уголовного дела, в результате чего последнее станет подсудным нижестоящему суду. В этом случае закон запрещает направлять такое уголовное дело по подсудности. Поскольку передача в нижестоящий суд дела, начатого рассмотрением в судебном заседании вышестоящего суда, не допускается (ч. 2 ст. 273 УПК).

Однако, если изменение квалификации преступления, осуществленное прокурором в суде, приведет к изменению подсудности уголовного дела и оно станет подведомственным вышестоящему или военному суду, то продолжение судебного разбирательства будет не-

возможным. В этом случае нижестоящий суд не правомочен рассматривать такое дело и обязан передать его по подсудности в вышестоящий или военный суд (ч. 1 ст. 273 УПК). Несомненно, что в целях процессуальной экономии решение об изменении квалификации преступления, влекущее передачу дела по подсудности в вышестоящий суд, целесообразно принимать в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства, а не в заседании суда первой инстанции, что приводит к неоправданным затратам времени и финансовых средств.

В дореволюционном уголовном процессе одним из материально-правовых критериев подсудности, наряду с тяжестью наказания, признавался также размер гражданского иска, заявленного с целью возмещения причиненного преступлением вреда и подлежащего рассмотрению вместе с обвинением. Так, уголовное дело, подсудное местному суду, выходило из его компетенции, если к нему присоединялся гражданский иск на сумму свыше 300 руб. для земских начальников и городских судей и 500 руб. для мировых судей и уездных членов³⁵. В первые годы Советской власти этот признак также применялся при определении подсудности. Так, согласно ст. 2 Декрета СНК № 1 «О суде» от 24 ноября 1917 г. местным судам были подсудны уголовные дела, по которым обвиняемому угрожало наказание не свыше 2 лет лишения свободы и гражданский иск не превышал 3000 руб.³⁶ В дальнейшем законодатель от последнего признака отказался.

В действующем уголовном законодательстве размер причиненного преступлением имущественного вреда учитывается при квалификации общественно опасных деяний против собственности и порядка осуществления экономической деятельности (раздел VIII УК). А квалификация, в свою очередь, влияет на подведомственность уголовных дел о таких преступлениях.

Вышеизложенное приводит к выводу о том, что в настоящее время основными материально-правовыми критериями подведомственности уголовных дел различным юрисдикционным органам Республики Беларусь являются вид и максимальный размер наказания, предусмотренного законом за совершенное преступление, и квалификация последнего, т. е. уголовно-правовая оценка содеянного.

¹ См. *Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д.* Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 33–37.

² *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Часть общая. Спб., 1902. С. 110.

³ Там же. С. 110; *Познышев С. В.* Основные начала науки уголовного права. М., 1912. С. 134.

- ⁴ Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. В. М. Хомича. Минск, 2002. С. 435.
- ⁵ Там же. С. 447.
- ⁶ *Таганцев Н. С.* Указ. соч. С. 119.
- ⁷ *Решетников Ф. М.* Правовые системы стран мира: Справочник. М., 1993. С. 55.
- ⁸ Правовая система Нидерландов / Отв. ред. В. В. Бойцова и Л. В. Бойцова. М., 1998. С. 157.
- ⁹ *Решетников Ф. М.* Указ. соч. С. 209–210.
- ¹⁰ Там же. С. 117.
- ¹¹ Правовая система Нидерландов. С. 91, 266.
- ¹² *Решетников Ф. М.* Указ. соч. С. 214–215.
- ¹³ Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. В. М. Хомича. Минск, 2002. С. 452.
- ¹⁴ Уголовное право БССР. Часть общая: Учебник / Под ред. проф. И. И. Горелика. Минск, 1978. С. 38–40.
- ¹⁵ Советское уголовное право. М., 1981. С. 79.
- ¹⁶ *Якимович Ю. К.* Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. Томск, 1991. С. 38.
- ¹⁷ Там же. С. 39–40.
- ¹⁸ *Арсеньев В. Д.* О едином порядке производства по уголовным делам и пределах его дифференциации // Вопросы борьбы с преступностью. Иркутск, 1970. С. 69; *Арсеньев В. Д.* Упрощение не равнозначно упрощенчеству // Соц. законность. 1975. № 3. С. 64.
- ¹⁹ *Свиридов М. К.* О сущности и основаниях дифференциации уголовного процесса // Актуальные вопросы государства и права в период совершенствования социалистического общества. Томск, 1987. С. 241–242.
- ²⁰ *Якуб М. Л.* Процессуальная форма в советском уголовном процессе. М., 1981. С. 103–104.
- ²¹ *Свиридов М. К.* Указ. соч. С. 241–242.
- ²² *См. Элькин П. С.* К вопросу о суммарном производстве // Сибирские юридические записки. Иркутск. Омск, 1973. Вып. 3. С. 149–151.
- ²³ *Якимович Ю. К., Ленский А. В., Трубникова Т. В.* Дифференциация уголовного процесса / Под ред. М. С. Свиридова. Томск, 2001. С. 104–105.
- ²⁴ *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2. С. 93; *Викторский С. И.* Русский уголовный процесс: Учеб. пособие. М., 1997. С. 175.
- ²⁵ *Фойницкий И. Я.* Указ. соч. С. 93–94.
- ²⁶ Российское законодательство X–XX веков. Т. 8: Судебная реформа. М., 1991. С. 123, 139.
- ²⁷ СУ. 1917. № 4. Ст. 50.
- ²⁸ Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. В. М. Хомича. Минск, 2002. С. 8.
- ²⁹ Судовы веснік. 2001. № 4. С. 23.
- ³⁰ *Гусев Л. Н.* Подсудность уголовных дел. М., 1955. С. 22.
- ³¹ *Гальперин И. М., Лукашевич В. З.* Предание суду по советскому уголовно-процессуальному праву. М., 1965.

³² *Альперт С. А., Бажанов М. И.* Рецензия на работу И. М. Гальперина, В. З. Лукашевича «Предание суду по советскому уголовно-процессуальному праву» // Правоведение. 1965. № 4. С. 150; *Гусев Л. Н.* Подследственность и подсудность в советском уголовном процессе. М., 1974. С. 19.

³³ *Альперт С. А., Бажанов М. И.* Указ. соч. С. 150.

³⁴ *Гусев Л. Н.* Подследственность и подсудность в советском уголовном процессе. С. 18.

³⁵ *Фойницкий И. Я.* Указ. соч. Т. II. С. 94; *Викторский С. И.* Указ. соч. С. 176.

³⁶ СУ. 1917. № 4. Ст. 50.

Поступила 16 ноября 2005 г.